

urkunden und tagebuchern bearbeitet». Berlin und Dresden. Wilhelm Baensch Verlagshandlung. 1887. (Table VIII (Haus Ludenhof. 1653. № 55), «Allgemeine Stammtafel. Uebersicht der Verzweigungen der Familie von Wrangel» Tabelle II)

11. Arvid Klingpor, Гербовник дворянских родов Лифляндии, Курляндии, Эстляндии «Baltisches Wappenbuch». Стокгольм, 1881. С. 130.
12. Там же. С. 122.
13. Российская Родословная Книга. Ч. III. 1857. Кн. Петр Долгоруков. С. 320–334.
14. Списки титулованным родам и лицам Российской Империи. СПб., 1892. С. 209.
15. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. № 5154.
16. Общий Гербовник. Ч. VIII. С. 66. Герб рода Головниных потомства Игнатия.
17. *Спиридов М. Г.* Описания о службе российских дворян. М., 1810. С. 110–113.
18. *Устрялов.* Сказание князя Курбского. Изд. 20-е. СПб., 1842. С. 111.
19. Акты московского Государства, изд. Императорской АН / под ред. Н. А. Попова. Т. 1. Разрядный приказ, СПб., 1890. С. 423; Географический словарь Империи / сост. Семенов. Т. 4. СПб., 1873. С. 656–657.
20. Литовская метрика, 62.
21. В. Н. Смольянинов-второй. Родословная дворян Смольяниновых (ветви Рязанская и Костромская), 1900.
22. Высочайший манифест 1814 г. 30 августа о раздаче дворянам медалей в память 1812 г.

А. А. Горбач ПОСЕЛОК СТАРОЕ ЛАЗО

80-летию посвящается

Этот поселок располагался на лесистом увале правобережья р. Камчатки. Ближайший населенный пункт – сел. Макарка – находился в 3 км севернее. Сегодня Старое Лазо – это заросший дикими травами пустырь по краям которого еще видны развалины деревянных построек. Бывший поселок на плане местности является южной окраиной нынешнего жилого с. Лазо, находящегося в проблемном существовании с 90-х гг. прошлого столетия (1).

История будущего поселка восходит к 1910 г., когда лесоустроительная партия Лесного департамента России под руководством В. К. Малинина проводила изыскания от Усть-Камчатка до р. Николки. Учет лесных ресурсов выполнялся по обе стороны р. Камчатки на расстоянии 330 верст от ее устья, с углублением в тайгу на 10 верст. Это была масштабная работа по выявлению запасов деловой древесины в конкретных районах. Один из профилей лесоучета тогда проложили в сторону северного подножья Никольского хребта (имевшего камчадалское название г. Кинцекла). В 1930 г. леса Охотско-Камчатского края были переданы в долгосрочное использование АКО (2). Тогда же был создан Ключевской лесокомбинат, в подчинении которого находились три лесозаготовительных участка: Ключевской, Козыревский и Средне-Камчатский. Последний вскоре приобретет новое имя... Профиль, соответственно, пересекал место будущего поселка. Первые его основатели прибыли летом 1933 г. Несколько землянок были сооружены прямо на берегу реки. На следующий год из-за большого половодья пришлось переселяться еще по лесоустроительной просеке (1910 г.), ближе к увалу, подпиравшему правый берег старичной протоки. Еще через год стали основательно строиться на самом увале, недоступном летним разливам р. Камчатки. Это было, пожалуй, единственное удачное расположение населенного пункта в Мильковском районе. Однако нужно учесть, что за последние 50 лет наблюдений река смыла более 600 м дикого берега, неуклонно приближаясь к нынешнему Лазо.

Первыми жителями тогда еще безымянного поселка были: Федор Митрофанович Безденежных, Григорий Евлампиевич Еремин, Назар Семенович Хавкунов, Иван Иванович Реутов, Василий Павлович Черных.

Лес на первых порах транспортировали нартами. Тягловой силой служили ездовые собаки. Это был весьма специфический зимний способ доставки бревен к р. Камчатке для последующего их сплава по воде. После первой же зимы из-за порчи плохо заготовленной рыбы в качестве корма собаки погибли. Пригнанные затем из Нижнекамчатка лошади оказались более выгодными лесоперевозчиками, благо проблем с фуражом не существовало.

До весны 1935 г. почтового отделения в поселке лесозаготовителей не было. Корреспонден-

цию доставляли из Среднекамчатка (летом) и Шапино (зимой). С прокладкой 1,5 км участка столбовой телефонно-телеграфной линии от магистрали Петропавловск – Козыревск встал вопрос о создании отделения связи и адреса населенного пункта. «7 марта в клубе проводилось общее собрание жителей, председательствовал на котором Диодор Романович Онохин. На собрании присутствовали Федор Синченко – редактор газеты из пос. Ключи; Петр Николаевич Бердин – парторг из Козыревска. Предложение, назвать поселок именем героя гражданской войны на Дальнем Востоке Сергея Лазо, – высказал рабочий лесоучастка Илья Иванович Шлыков. Он был образованным человеком и многое знал о легендарных личностях страны Советов. Голосовали “за” единогласно!» (из воспоминаний Сергея Алексеевича Волкова, директора леспромхоза в 1958–1959 гг., старожила. Записано 12 сентября 1978 г. автором).

Поселок постепенно расширялся. На левом берегу протоки появились конюшня, медпункт, контора лесоучастка. Через речку соорудили классический деревянный мост на двух бревенчатых опорах-секциях, который благополучно просуществовал до середины 1980-х гг.

Все продукты питания, кроме мяса и рыбы, в леспромхоз завозились с материка. Нужды в подсобном хозяйстве тогда не существовало. Молоко, картофель, лук, фрукты поступали исключительно в сухом виде. Как вспоминал старожил поселка Д. Р. Онохин, «мука блинная доставлялась из Шанхая по цене 4 рубля за мешок весом 22 кг. Шанхайское сало в банке (16 кг) было очень вкусным, что масло!». Цены на привозные товары были достаточно умеренными, если учитывать, что шкурка соболя, добытая тогда охотником, стоила 150 рублей. Какой-то опыт выращивания огородных растений у населения был. В Лазо, под увалом, выращивали... турецкий табак! Его большие листья, связанные пучками, долго вялили и сушили под навесом, потом сдавали на склад. Этим табаком, как правило, премировали лучших работников леспромхоза. Несколько позже большую помощь лесорубам в обеспечении свежей сельхозпродукцией окажут жители сел. Макарка, обрусевшие камчадалы и переселенцы из Белоруссии (колхоз им. XVII партсъезда).

В декабре 1940 г. в Лазо по призыву Хабаровского крайкома ВКП(б) пешком из Усть-Камчатка (!) прибыла партия демобилизованных дальневосточных красноармейцев. Это были молодые, здоровые парни, отслужившие в армии три года и связавшие, как показало время, свою жизнь с Камчаткой. Список работников Лазовского лесоучастка (на декабрь 1940 г.) представлен следующими лицами:

1. Верин Иван, пилорамщик;
2. Ремизов Федор (?);
3. Хорин Василий (?);
4. Ширшов (?);
5. Тимохин Василий, разнорабочий;
6. Блохин Иван Емельянович, штабельщик;
7. Собакин Иван, вальщик леса;
8. Еремин Григорий Евлампиевич, конюх;
9. Кузьмин Яков (?);
10. Арехьев Михаил, рыбак;
11. Шаромов Василий, киномеханик;
12. Самарцев Николай, вальщик леса;
13. Хакимов (?);
14. Онохин Диодор Романович, десятник;
15. Войцеховский Николай, мастер лесоучастка;
16. Цаплин Степан, конюх;
17. Котлов, вальщик леса;
18. Мухин Михаил, рыбак;
19. Черных Василий Павлович, конюх;
20. Безденежных Федор Митрофанович, кузнец;
21. Зулин Владимир, вальщик леса;
22. Реутов Иван Иванович, охотник;
23. Борисов Константин Петрович, шофер;
24. Сотский (?);
25. Ярковой Николай Семенович, шорник;
26. Степанов Александр, слесарь-жестянщик;

27. Поздеев, рыбак;
28. Волков Сергей Алексеевич, шофер;
29. Золотарев Георгий Макарович (?);
30. Горбач Афанасий Владимирович, вальщик леса, кузнец;
31. Терешков Иван Яковлевич, молотобоец;
32. Килбас Александр Степанович, мастер лесоучастка;
33. Червяков Иван, вальщик леса;
34. Мурашов Василий, водомер;
35. Тищенко Иван Андреевич (?), ветврач;
36. Кусанов, вальщик леса;
37. Трошкин Владимир, трелевщик;
38. Бердин Николай Федорович, начальник ЛПХ.

В военные годы лесозаготовители работали ударно, перевыполняя государственный план. Нарушений трудовой дисциплины практически не было. Все труженики тыла имели броню, обусловленную, по-видимому, угрозой нападения японских милитаристов на дальневосточные рубежи СССР. Родина высоко оценила работу лесозаготовителей, наградив лучших производственников медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Леспромхоз своими силами производил заготовку рыбы и мяса для котлового питания своих работников. Рыбу ловили, по мере необходимости, речными неводами. Количество проходящей рыбы в р. Камчатке ошеломляло. Во время рунного хода в невод (40 м) попадало до 800 особей. И это за один зачет! Отдельные экземпляры чавычи весили до 35 кг. Для общественной столовой рыбу солили в бочках. Для ездовых собак ее квасили в большом чане. Последний изготавливался из плотно подогнанных досок и закапывался в землю. Свежепойманная рыба отпускалась в продажу населению по цене 10 копеек за штуку, независимо от веса. Икра деликатесом не считалась, ее ценные качества тогда были неизвестны, и впрок ее никогда не солили. Она уходила в рыбные отходы для скармливания домашним животным.

Для добычи мяса существовала бригада охотников в составе: И. И. Реутов, И. Н. Зулин, К. П. Борисов, Д. Р. Онохин. Осенью они выезжали на лошадях в горную часть рр. Толбачик и Щапина, где отстреливали оленей, медведей и снежных баранов. Эти же охотники в качестве проводников оказывали существенную помощь научным экспедициям. Одну из них, возглавляемую молодым Борисом Ивановичем Пийпом, будущим первым директором Института вулканологии АН СССР, сопроводили на лошадях почти до самого кратера влк. Плоский Толбачик (1941 г.)

Заготовка деловой древесины осуществлялась с осени, а вывозка ее – с появлением снежного покрова. Поначалу работы велись вдоль берегов р. Камчатки, по ее протокам и старицам, а также на делянках вблизи поселка. Заготавливаемый лес был исключительно хорошего качества. Рубка его осуществлялась выборочным способом. Выборочная валка деревьев выполнялась двуручными поперечными пилами. Запил делался на высоте пояса человека, с учетом утрамбованного ногами снега. Сваленные деревья разделялись на «четверки», т. е. бревна длиной по четыре метра. Вершинки и ветки складывали в большие кучи и спустя время сжигали. Сегодня в лазовских окрестных лесах во множестве стоят высокие пни, обросшие травой и брусничником. А рядом с ними стоят уже старые, перестойные деревья – безмолвные свидетели промышленного освоения камчатской тайги.

Перевозку бревен к реке осуществляли конной тягой на волокушах. На очищенных береговых участках вдоль р. Камчатки и высоких песчаных косах бревна укладывали в штабели. С мая месяца начиналась ручная скатка леса в воду и транспортировка его молевым сплавом до пос. Ключи. Там было налажено деревообрабатывающее производство (Ключевской ДОК), где делали бочкотару, ящики, кунгасы для многочисленных рыбокомбинатов полуострова. Интересно знать, что на р. Николке по разнарядке «Камчатлеса» заготавливали ель, растущую на крутых горных склонах. Рубили только те деревья, которые имели в нижней прикорневой части ствола обязательно искривленную Г-образную форму. Этот лесопроduct назывался «окора». Из нее в Ключах делали носовую часть киля речных кунгасов.

Поселок Лазо отстраивался. В его границы уже входили: 6 добротных барачков, клуб, школа, магазин, почта, пекарня, медпункт, контора, конный двор с шорной и кузницей, несколько частных домов и землянок. Столовая, школа и почта были собраны из срубов домов, вывезенных из Толбачика. Первый частный дом в поселке – Василия Павловича Черныха – доставлен из сел. Калиновка.

Конный двор, пожалуй, главный цех леспромхоза, вначале располагался на левом берегу протоки. После очередного затопления конюшни летним паводком он был переведен на высокий увал южной окраины поселка.

Количество лошадей, только рабочих, исчислялось в несколько сотен голов. Часть их была занята на ежедневной вывозке леса с делян. Другие выпасались в окрестностях бывшей деревни Толбачик. Затем происходила смена составов, и надо было видеть эту орду лошадей, мчащихся через поселок. Поднятая копытами серая пыль тучами кружилась над домами, и женщины, ругая конюхов, спешили снять с веревок накануне развешанные постирушки. Каждая рабочая лошадь имела персональную сбрую (хомут, недоуздки, седелка, вожжи), навешанную на деревянный штырь в аммуничнике. Под всеми комплектами висели таблички с кличками лошадей.

Текущий ремонт сбруи выполняли шорники. Они подшивали седла и хомуты, резали кожу на ремни и делали уздечки, недоуздки. Кожа тогда была натуральная, сыромятная. Мало кто знает сейчас, что в военные годы население тыла обязано было сдавать государству шкуры, щетину забитых на мясо домашних животных. Не обошло это указание и далекую Камчатку. Известным мастером-шорником был Афанасий Семенович Яркового, который впоследствии, в конце 1950-х гг., на немецкой машинке «Зингер» шил огромные брезентовые палатки для зимнего ремонта автомобилей Максимовского и Кунчокловского участков.

На конном дворе исправно работала ветеринарная служба, возглавляемая Иваном Андреевичем Тищенко. Он ежедневно осматривал лошадей, лечил больных, проводил профилактическую и племенную работу. Его бричка-двуколка на автомобильных шинах постоянно курсировала между конюшней и конторой леспромхоза. Самой знаменитой лошадью был элитный жеребец по кличке Гольд. Этот владимирский тяжеловоз огромного роста с широченной грудью и крупными ногами казался былинным конем Ильи Муромца. Содержание большого количества лошадей, в том числе молодняка, требовало ежегодной заготовки сена. Специальная бригада косарей (8–10 чел.) с начала лета до поздней осени окашивала травы на Мокрой тундре, Прорве и урочищах Максимовки. Самые удаленные покосы находились за р. Щапиной (Жохманская тундра).

Травостой был довольно редким. Высокие кочки и заросли кустарников являлись серьезным препятствием для косьбы. Косы приходилось постоянно отбивать на специальных стальных подставках – бабках. Целыми днями в болотных сапогах, по колено в воде трудились косари, выкашивая зеленый наряд тундры. Траву после нескольких дней сушки нужно было перевернуть деревянными граблями, а после ее готовности собрать в валки и копны. Затем перенести ее на вилах и заготовить. Лошади на мокрых тундрах использовались редко. Сенокосилки на конной тяге применялись только на сухих аласах. Бригада косарей работала героически. Постоянно донимали комары и мошка. Репеллентов, отпугивающих насекомых, тогда не существовало. Спасались исключительно накомарниками, пошитыми из черного сетчатого тюля. Каждый сезон вручную заготавливалось более 200 т сена. Это был достойный результат.

На южной окраине поселка, в лесу, находилась Парилка – так называемый цех по изготовлению гнутых полозьев для зимних конных саней и волокуш, а также дуг из белой березы или черемухи. В верхней части увала располагалась бревенчатая полуземлянка – камера, обвалованная с трех сторон грунтом. В торце сооружения была кирпичная печь с вмурованной в нее 300-литровой железной бочкой, в которой было отверстие для подачи воды и выхода пара. В камеру помещали тонкие длинные бревнышки из сырых неокоренных деревьев. При сильном разогреве печи вода в бочке закипала, и пар распространялся по камере и размягчал древесину. Один конец распаренной заготовки укладывался в глубокий паз, вырубленный в деревянной колоде, закреплялся болтами. Затем, изгибая заготовку по длине паза, фиксировали ее при помощи клиньев и крючьев. Зажатая и расклиненная деталь медленно остывала, принимая заданную форму. После обработки топором и рубанком заготовка превращалась в готовое изделие. Цех по производству столь нужной продукции работал достаточно долго, вплоть до полной механизации вывозки леса, т. е. до начала 1960-х гг.

Интересно, что в военные годы (1941–1945) в Лазо было сооружено бомбоубежище. Оно располагалось на краю увала, сразу же за конным двором. В глубокой траншее, отрытой вручную лопатами, была установлена П-образная бревенчатая крепь. Сверху на метровую глубину ее засыпали землей, с разделкой последней под огород, где много лет выращивали картошку. Замаскированное сооружение, простояв десятки лет, постепенно разрушилось. И только видимые сегодня кое-где узкие провалы напоминают о тревожном времени в жизни маленького поселка лесорубов.

За воротами конного двора, слева от въезда, находилась бревенчатая кузница. Она была вкопана в землю на целый метр. Имела два маленьких окна и черные-пречерные от копоти внутренние

стены. Кузнецов и молотобойцев было две пары. У каждой – свой горн, наковальня, наборы клещей, кувалда молот и множество приспособлений для ручнойковки раскаленного железа. Кузнечные меха для подачи воздуха в горн представляли собой деревянную, по форме – близкую к треугольной рамочную конструкцию, обтянутую кожей. Впоследствии меха заменил большой вращающийся барабан, обшитый плотным брезентом. И только в конце 1950-х гг. в кузнице появился малогабаритный воздухонагнетательный стальной аппарат, опять же с ручным приводом.

Объемы кузнечных работ впечатляли. Кузнецы были в заслуженном почете и пользовались авторитетом в леспромхозе. Они делали подковы для лошадей, полозки для саней и волокуш, цепи, скобы, ломы, багры, лопаты, чекеры, гвозди. Также они выполняли жестяные работы – изготавливая ведра, бадьи, рукомошники, тазы, ванны, поддоны, воронки и пр. В кузнице имелся небольшой графитовый тигель, в котором умельцы выплавляли свинец, алюминий, олово, медь из отслуживших срок деталей техники и предметов домашнего обихода.

Известным специалистом кузнечного дела был Федор Митрофанович Безденежных. При поломке какой-либо технической детали кузнец мог отковать точную ее копию. Являясь мастером-универсалом, он знал практически все механические устройства того времени. Его вклад в ремонтные работы в леспромхозе был неоценим. Уже в почетном возрасте, исключительно из-за доброты к людям, Федор Митрофанович ремонтировал жителям поселка швейные машинки, наручные и настенные часы. Он всегда был окружен почетом и уважением.

Кузнечному производству на две кузницы (вторая находилась в гараже) требовалось значительное количество древесного угля. Именно древесный уголь являлся наиболее подходящим топливом для равномерного разогрева металла. Уголь выжигался в 1,5 км к северо-востоку от гаража, рядом с дорогой на 6 и 15-й участки. Здесь, на маленьком аласе, располагался производственный цех – Смолокурка. В цилиндрические железные емкости, зарытые до крышки в землю, загружались колотые березовые поленья. Внизу находились кирпичные печи с дымоходами через емкости. В печах разводили огонь, который охватывал нижние кладки поленьев. Баки сразу закрывали плотными крышками и засыпали сверху землей во избежание прорыва газов. Печь гасилась, и начинался процесс углеобразования. Через некоторое время из нижнего отвода бака ручейком сбегали продукты перегонки древесины: скипидар, деготь и смола. Они пользовались большим спросом в хозяйствах леспромхоза и у населения поселка.

После остывания из баков вынимался первоклассный уголь. Должность специалиста по его производству называлась смолокур. Жил он здесь же. Имел семью, дом, огород и домашний скот. Сегодня, видя в магазинах уголь для шашлыков и барбекю, упакованный в красочные мешки, невольно сравнивается «труд» нынешних коммерсантов и мастерство углежогов ушедшего времени.

В леспромхоз, вероятно по Ленд-лизу, поступили два американских трактора. Один из них «CataPENT» – 20 л. с., другой «Charlie Metz» – 100 л. с. Для лучшего прохождения тракторов зимой по возвышенным участкам дорог пришлось заблаговременно их сравнять вручную лопатами. С тех пор эти участки называются Малиновскими и Шестовскими прокопами. Довольно скоро, из-за частых поломок и полного отсутствия запасных частей, эта техника пришла в негодность. Вывозку леса, как и раньше, продолжили осуществлять испытанным волокушным способом на конной тяге. Нужно особо отметить, что американская помощь для отдаленных районов СССР была весьма существенной. Леспромхозы также получали спецодежду (меховые куртки, комбинезоны), обувь – американские ботинки из кожи буйвола, продукты (тушенка, с местным названием «обезьянка», в жестяных баночках с ключиком).

Мысль о механизации лесозаготовительных работ не оставалась до начала 1950-х гг. Тогда же баржами из Усть-Камчатска в Лазо были доставлены железнодорожные вагонетки, рельсы и костыли. На Малиновском плотбище сразу же проложили первые рельсовые пути. Однако с прибытием в хозяйство отечественных тракторов и газогенераторных автомобилей железнодорожная эпопея быстро завершилась. Паровая машина (локомотив) была успешно задействована на пилораме, где долгое время производили доски и брус для местного потребления. Гудок локомотива, возвещая обеденный перерыв в леспромхозе, разносился далеким эхом по тайге. Еще долго на речном берегу лежали поржавевшие тяжеленные вагонетки, пока их, наконец, не смыло очередным паводком.

Важнейшими событиями в деятельности леспромхоза были скатка и сплав заготовленной древесины. Сложенные в высокие штабеля бревна нужно было в короткие сроки доставить на Ключевской ДОК молевым сплавом.

С 1 мая начиналась ручная скатка леса со штабелей, расположенных по берегам р. Камчатки вблизи поселка. Сырые тяжелые бревна, падая с высоты в воду, вспенивали ее и устремлялись вниз по течению. Лес несло водой по всей ширине реки. Кроме Лазо, его сплавливали Щапинский и Цент-

ральный лесопункты. Скатка осуществлялась быстро. Уже скоро большая часть лесозаготовителей уходила на сплав для постоянного сопровождения леса. Суть была в том, что влекомые водой бревна часто заносило в узкие речные протоки, где они застревали на корягах и мелководьях, создавая заломы. Эти заломы (заторы) нужно было срочно расталкивать баграми с берега или с лодки, т. к. вода постоянно приносила новые партии леса. Часть бревен заплывала в улова, где, кружась в водовороте, они беспрерывно сталкивались между собой и обдирали кору. Лишенные пробкового слоя, удерживающего дерево на плаву, они переходили в разряд топляков. Их недолго несло придонным течением, они тонули и заметывались песком. Таким образом, при молевом сплаве, за отсутствием других способов транспортировки леса, русло р. Камчатки засорялось бревнами на протяжении многих десятилетий.

Работа на сплаве шла с рассвета до темноты, в любую погоду. Оплата труда была сдельной. Вечерами сплавщики собирались на ночевку – на большой барже, буксируемой катером. По всей площади палубы был выстроен сарай-кубик с отдельными комнатами (каютами) и общим длинным коридором. Там же была столовая. Над односкатной крышей всегда висели кумачового цвета флаг и транспарант с очередным первомайским призывом Коммунистической партии Советского Союза к работникам лесной промышленности. Сплав продолжался до конца месяца, и уже в начале июня его участники возвращались обратно в леспромхоз. Это был настоящий праздник для всех жителей поселка.

Нужно сказать, что с самого начала строительства барачков возникла необходимость в утеплении внутренних бревенчатых стен и перегородок. Это достигалось набивкой щепы-дранки и оштукатуриванием их смесью глины с конским навозом. Глину, вернее суглинок, брали из древних озерных отложений, вскрытых при прокладке дороги от поселка до р. Камчатки. Там же имелись небольшие линзы песка. До определенного времени существовала проблема с кирпичом для кладки отопительных, отопительно-варочных печей для жилых и производственных помещений. С обнаружением достаточных запасов глины удовлетворительного качества, а также песка вблизи сел. Макарки эта проблема была решена. Леспромхоз построил там кирпичный завод. На месте бывшего харемного аласа расположились длинные дощатые навесы-сарай с двускатной крышей для просушки сырого кирпича. Возле каждого сарая, ближе к середине, имелся углубленный в землю и обшитый досками бункер для замеса глины. Рядом располагался рабочий стол с формовочными лотками. В центре завода находилась печь для обжига. Издали, глядя на территорию, занятую многочисленными сараями-навесами, трудно было понять назначение этого комплекса. При отсутствии какого-либо ограждения комплекс представлялся довольно серьезным промышленным объектом.

Замес глины с песком и добавкой воды производился при помощи лошади, которую верховой наездник беспрестанно гонял по всему бункеру. Готовый сырец выкладывали на стол и округлыми порциями с размаху руками вбвали в лотки на четыре кирпича. Аккуратно срезав проволокой излишки глины, отформованные заготовки относили под навес для просушки. Через 3–4 дня кирпич обжигался в печи. Трудиться на заводе преимущественно женщины и подростки. Работа велась только в летнее время. Стоимость одной тысячи штук готового кирпича составляла 700 рублей (в ценах до 1961 г.). Зарплата работников была 80–150 рублей в месяц.

Главным специалистом завода и единственным постоянным работником был известный мастер кирпичного дела Максим Иванович Калмыков. Уже потом, в 1970-х гг., будучи на пенсии, он сложил не один десяток печей в с. Лазо, которые до сих пор отличаются качеством и долговечностью. Нужно подчеркнуть, что в целом кирпичное производство на Камчатке является интересной темой краеведения и заслуживает внимания историков. Кирпич только одного завода обеспечил несколько населенных пунктов: Лазо, Макарка, База (Береговое), Среднекамчатск и частично Атласово.

С появлением в конце 1940-х гг. газогенераторных автомобилей (ЗИС-21), прозванных в народе «газочурками», значительно увеличились объемы лесозаготовок. Стали осваиваться дальние участки 6 и 15-го кварталов. Лес вывозили уже с 9-го уса. Лесовозные автомобили были оборудованы прицепами, позволяющими вывозить длинномерные бревна. На фанерной крыше автомобиля всегда лежало несколько мешков коротко пиленных березовых чурочек. Проехав более 10 км, шофер останавливался и открывал крышку дымящего цилиндрического котла-бака, перемешивал в нем угли двухметровой кочергой и засыпал внутрь новую порцию топлива. Затем плотно закрывал крышку винтами и продолжал движение. Расстояние до пос. Шапино в 45 км такой автомобиль преодолевал за 2,5 ч. При этом на крутых подъемах дороги пассажирам неоднократно приходилось покидать транспорт.

Использование самой техники было затруднено весной и осенью, в период распутицы.

Решить проблему удалось сооружением бревенчатой лежневки, с укладкой сверху широких продольных плах, сбитых попарно железными скобами. Эта «деревянная дорога» начиналась от края Шестовского увала (в районе Смолокурки) и заканчивалась на береговых плотбищах р. Камчатки. Участками эта дорога просуществовала до конца 1960-х гг., когда началось масштабное освоение земель с бульдозерной раскорчевкой уже прореженного ручной рубкой леса и строительством улучшенных гравийных дорог для Лазовского совхоза.

По национальному составу среди жителей Старого Лазо преобладали русские, татары и белорусы. Грамотных людей было очень мало, преимущественно с 2–4 классами образования, как правило, церковно-приходской школы. В 1943 г., по окончании путины, сюда приехали вербованные сезонные рыбообработчицы из Жупаново и Усть-Камчатска, будущие матери многочисленной поселковой детворы. Несколько слов следует сказать о корейцах. После известных событий на Корейском полуострове и перехода 38-й параллели американскими войсками (1950 г.) значительная часть мирных корейских граждан была эвакуирована в пограничные районы Хабаровского края (3). Часть беженцев-корейцев доставили на Камчатку и распределили по действующим предприятиям. В Лазовском леспромхозе вначале их было 50, а потом стало более 150 чел. Жили они в небольших поселениях (лесоучастках) Линейном, Шестом, Пятнадцатом, о которых будет отдельное повествование. Наиболее востребованных специалистов оставили в Лазо, где они трудились в мехмастерских. Фамилии работников: Пак, Ким, Чан, Ко и др. В начале 1950-х гг. в леспромхоз по оргнабору приехали работники из Удмуртии и Мордовии. Камчадалов (ительменов) в лесной отрасли долгое время не наблюдалось. Наверное, это объяснялось отсутствием у них рабочих специальностей, опыта и ответственности, а также низкой зарплатой, т. к. коренному населению тогда северные льготы исключались.

Центром культурно-просветительной работы являлся клуб, расположенный изначально в середине поселка. Это было самое большое бревенчатое здание, с высокими стенами и большими окнами с южной стороны. Клуб имел двускатную крышу из плотно сбитых строганных досок. Каждая доска, по всей длине, имела две выбранные рубанком бороздки-желобки для стока атмосферных осадков. Крыши такого типа имели все производственные и жилые помещения. Они служили очень долго и почти не ремонтировались.

В клубе проводились торжественные собрания, посвященные знаменательным датам и событиям. С докладами выступали руководители леспромхоза и партийные организаторы (парторги). Они отмечали успехи коллектива, называли лучших работников, выдвигали новые задачи по выполнению планов лесозаготовки. Изредка с концертами приезжали артисты из Петропавловска-Камчатского, а однажды из Москвы. Кино в клубе показывали еще в довоенные годы. Киномехаником тогда был Василий Шаромов (1940 г.) Из фильмов отечественного проката «крутили» – «Чапаев», «Броненосец «Потемкин»», «Ленин в Октябре» и др. Из иностранных (с титрами перевода на русский язык) демонстрировали фильм с Чарли Чаплиным, а также корейские, китайские художественные фильмы о зверствах чанкайшистов и гоминдановцев. Вся продукция кинематографа тех лет выпускалась на черно-белой пленке.

Рядом с клубом находился колодец журавельного типа. Его глубина не превышала 7 м. Зимой внутри он постоянно обмерзал, и приходилось ломом обкалывать лед, расширяя водозабор. В 300 м от клуба, на краю увала, располагалась поселковая баня. Заведовала ею Вера Григорьевна Ремизова. Она была набожным человеком и свято чтит православные праздники. При отсутствии церкви она фактически являлась «духовным наставником» у верующих жителей поселка. Ее авторитет был очень высок.

Люди относились к ней с большим уважением, некоторые ее побаивались. Бабушка Вера прожила долгую жизнь в доме, который обособленно стоял на юго-восточной окраине Старого Лазо, вблизи Малиновской дороги.

Настоящим бедствием для работников леспромхоза и всех жителей поселка были лесные пожары. По определению «верховые», с пламенем выше деревьев, они были страшны. Охваченная огнем тайга пылала. Средствами пожаротушения служили только ручные инструменты – лопаты, топоры и двуручные пилы. Возгорания чаще всего происходили в начале лета, когда отсутствовали дожди, а температура воздуха на солнце поднималась выше 40 °С. Виновниками практически всех пожаров являлись люди. К чести лесников, предупредительные плакаты (сбитые из досок щиты) с надписями масляной краской устанавливались по всем лесовозным дорогам и пешеходным тропам. Текст обращений был следующим: «Товарищ, береги лес от огня!», «На лес не подымай руку – он послужит и сыну и внуку!», «Огонь – враг леса!». На пересечении основных лесных дорог, с уса-

ми (волоками) обязательно устраивали «курилки». Это были небольшие двускатные навесы на двух столбах, внизу которых сооружались лавочки. В центре «курилки» выкапывали ямку для окурков.

Тушение пожаров тогда было делом всенародным. На борьбу с огнем выходили почти все жители поселка. Люди прекрасно понимали значение леса в своей жизни. Самые сильные и продолжительные пожары были на Малиновском и Шестовском увалах, где ликвидация огня затруднялась рельефными особенностями местности и ее полной безводностью. Несмотря на отсутствие технических средств тушение пожаров осуществлялось грамотно и оперативно. Часто применялся способ встречного пала, круговое окапывание очагов возгорания и организация суточных дежурств на пожарищах. И сегодня в окрестных лазовских лесах встречаются старые деревья с углистыми следами огня прошлого столетия. Что характерно, в пойме реки Камчатки пожары были весьма редки. Объясняется это ежегодными разливами воды, в начале жаркого лета, и вымоканием листового опада, сухой травы и валежника.

С начала 1950-х гг. пос. Лазо стал развиваться быстрыми темпами. Полностью отстроилась ул. Набережная. Появились частные дома Турковых, Леконцевых, Ярковых, Золотаревых, обозначив будущие ул. Краснодарскую и Омскую. Многие работники леспромхоза обзавелись семьями и осели здесь на долгие годы. В каждой семье было не менее 4–5 детей. И когда построили новую большую школу-десятилетку, в первый класс пришли 40 учеников, в жизни которых будет своя дорога, своя судьба...

Местные географические топонимы:

Алас – участок в таежной местности, занятый травами и кустарниками. Сибирское название привнесено на Камчатку русскими землепроходцами в XVIII в. По форме и размерам называют: круглые, длинные, долгие, большие, малые аласы. Очищенные от кустарников, они служили покосами, последним давались названия по фамилиям владельцев: Кармановский, Ивлевский, Кусановский, Черныховский и т. д.

Алас харемный – алас с произрастанием боярышника черноплодного. Харем – ительменское название кустарника.

Кинцёкла (*кунчокла*, *кунчевка*) – древнеительменское название сильно разрушенного вулкана. На современных картах это г. Николка с абсолютной отметкой 1 591 м.

Кизимич (на планах лесосек – *Кибинец*) – озеро-старица р. Камчатки в 7 км к югу от пос. Лазо. Происхождение камчадалского топонима неизвестно. Ассоциируется с названием Кизи-мен (действующий вулкан Тумрокского хребта).

Николка – река в 15 км южнее пос. Лазо, где также находились лесосеки. Впервые упоминается С. П. Крашенинниковым в «Описании земли Камчатки» (1715 г.) под названием «речка Никул» (Учина-Никул).

Малиновская (дорога, увал, группа озер) – названия даны по фамилии лесоустроителя В. К. Малинина, проводившего работы в 1910 г.

Мокрая тундра – болотистая местность в 4 км к северо-востоку от Лазо, где располагались покосы леспромхоза.

Онохинская речка – древняя пересыхающая протока реки Камчатки, периодически заливаемая летним паводком. Названа местным населением (1970-е гг.) в честь Почетного жителя поселка – Диодора Романовича Онохина, уроженца г. Ялуторовска Тюменской области Тобольской губернии.

Посевная – урочище на правом берегу р. Камчатки южнее Лазо, где проводились первые посадки (посевы) зерновых, овощей.

Прокопы (Малиновские, Шестовские) – прокопанные вручную лопатами участки дорог на возвышенной местности. Назначение прокопов – предполагаемая вывозка древесины железнодорожными вагонетками.

Прорва – урочище южнее поселка, где р. Камчатка «прорвала» аллювиальные отложения поймы с образованием новой протоки. В урочище долгие годы располагались сенокосные угодья.

Шестовская (дорога, увал) – названы по 6-му кварталу лесозаготовительных работ, расположенному в 5 км к востоку от Лазо. Там же находилось корейское поселение Шестое.

Увал (Шестовский, Малиновский) – невысокая сглаженная возвышенность с пологим склоном, вытянутая в длину без ясно выраженной подошвы. Увалы обычно заняты лиственницей курильской, белой березой, осинкой и кустарниками. Встречаются островные участки ели аянской, рябинник рябинолистный и рододендрон золотистый.

Улово – речная излучина в форме полукруга с замедленным течением воды. Образовывалось чаще в конце аллювиальных кос во время летнего паводка. При резких перепадах уровня воды, как правило, заносилось песком и топляком.

Леспромхозовские термины:

Аммуничник – отдельное помещение на конном дворе, где хранилась сбруя (уздечки, недоуздки, седла, подпруги, шлеи, потники, вожжи).

Барак – длинная одноэтажная деревянная постройка с двускатной крышей и общим коридором. Помещение было поделено на комнаты (квартиры) с печным отоплением. Удобства: туалет, водопровод, канализация в бараке не предусматривались. Типичный объект рабочих поселков и малых городов Сибири, Дальнего Востока до начала 60-х гг. прошлого столетия.

Волокуша – укороченные в несколько раз, открытые деревянные сани для перевозки бревен конной тягой (волоком).

Корьюшка – нежилая каркасная постройка (сарай, летняя кухня, коптилка) из жердей или досок, обшитых сверху листами коры. Последняя снималась с лиственницы во время сокодвижения.

Окора – изогнутая нижняя часть (или крупный корень) ствола ели аянской, произрастающей на крутых увалах р. Николки. Окору поставляли в Ключевской лесокомбинат для изготовления носовой части килы речных кунгасов.

Оселок – абразивный брусок для заточки и правки ножей, ножниц, кос и топоров.

«Обезьянка» – местное название американской тушенки. Баночка имела квадратную, сглаженную по углам форму с расширением вверх и запаянный пояс с ключиком. Продукт поставлялся на Камчатку по Ленд-лизу.

Парилка – производственный цех по сгибанию распаренной древесины (береза, черемуха) и изготовлению полозьев саней, дуг.

Сплав молевой – наиболее приемлемый и экономичный речной способ транспортировки бревен при полном отсутствии других возможных. Существовал до середины 1960-х гг.

Шорная – мастерская по пошиву и ремонту конской сбруи (специалист – шорник).

Хлыст – сваленный на землю и очищенный от веток ствол дерева.

Ус – чистая просека, отходящая в сторону от основной лесовозной дороги. Обозначался номером в зависимости от расстояния до рабочего поселка.

1. *Кусков В. П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1976. С. 56.

2. Камчатский сборник. Т. 1. Изд-во АН СССР. М., 1940. 266 с.

3. *Катица З. М., Петров Д. В., Пак В. К.* и др. История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945–1977. Хабаровск, 1978. С. 558.

В. Д. Дмитриев, Н. В. Становая, П. В. Складорова, Н. П. Волохова ОБЩЕСТВЕННЫЙ МОНИТОРИНГ СТРОИТЕЛЬСТВА ГАЗОПРОВОДА в г. ЕЛИЗОВО

Для выполнения перечня поручений Президента РФ по итогам совещания (от 05.09.2007 г.) по вопросам социально-экономического развития Камчатского края в части его газификации губернатор (Пр-1680 от 24.06.2011 г.) утвердил программу краевой газификации, которая была разработана ОАО «Газпром промгаз» на период 2010–2015 гг.

Например, только в Елизовском муниципальном районе (ЕМР) предусматривалось строительство трёх газопроводов-отводов и трёх газораспределительных станций (ГРС), шести межпоселковых газопроводов (протяженностью до 150 км) для перевода на газ более тридцати местных котельных, двух автомобильных газонаполнительных компрессорных станций (АГНКС).

К сожалению, сроки ввода объектов газоснабжения и строительства газопроводов срываются. Например, газопровод-отвод и ГРС Елизово должны были быть построены ещё в 2013 г., а затем, по информации СМИ, подача газа на котельные № 4 и № 2 г. Елизово планировалась к началу отопительного сезона прошлого года, но снова отложена.

Общественный экологический мониторинг строительства межпоселкового газопровода в г. Елизово длиной в 32,3 км был проведён летом–осенью 2014 г.

Закрытость экологической информации

К сожалению, общие технико-экономические параметры этого газопровода нам неизвестны.

Хотя эти параметры определяют категорию газопровода, по которой устанавливается допустимое безопасное расстояние трубы до жилых и общественных зданий, пересечение инженерных сооружений, санитарно-защитная зона, пожарные и мероприятия ГО и ЧС. Это касается и фонового состояния окружающей среды, и проектной техногенной нагрузки строительства на окружающую (и городскую) среду, а мостовых переходов – на берега и русла водотоков.

В том числе общей площади изъятия земель во временное (на период строительства) пользование; объема снятия почвенно-растительного слоя и его складирования, особенно на сельхозугодьях; объемов рубки и выкорчевки деревьев и кустарников, их площадей.

Это относится и к проектной рекультивации, особенно технической (с планировкой), которая выполняется уже в процессе строительства. Она затрагивает поверхность земляного полотна, откосы насыпей и выемки грунтов, берега рек в пределах охранных зон водных переходов газопровода, которые, как правило, являются частью водоохраных зон.

А для снижения природно-климатических рисков на газопровод и его инфраструктуру, в том числе при строительстве одиннадцати мостовых переходов через реки, необходимы сведения об опасных природных процессах, особенно прогноз мест и повторяемости русловых деформаций на ближайшие 25 лет (3).

О показателях биологической рекультивации, которая завершается после окончания строительства, здесь даже не упоминаем.

Рельеф, речная сеть и опасные природные процессы в полосе отвода

Полоса отвода этого газопровода начинается от ГРС у р. Сухая Речка вблизи подножия Авачинско-Корякской группы вулканов.

Рельеф на начальном участке полосы отвода – пологая вулканогенно-пролювальная равнина, наклоненная на юго-запад в сторону р. Мутной-1, со снижением отметок высот до 100 м. Она сложена песчано-обломочным материалом вулканического генезиса, переотложенного временными водными потоками в голоценовое время (11).

Здесь полоса отвода пересекает автодорогу «Садовое кольцо». Далее местность местами залесена и заболочена.

Река Сухая Речка периодически на отдельных участках пересыхает, но во время таяния снега, при паводках и циклонах формирует специфические отложения «сухих рек» и способствует процессам заболачивания в пределах своего конуса выноса.

Пониженные участки поверхности между узкими и уплощенными грядами из вулканических песков заболочены, в них вложены ручьи с песчано-галечниковым дном, вытекающие из болот и пересекающие полосу отвода в сторону р. Мутной-1.

В долине р. Мутной-1 прослеживается пойма и низкая терраса шириной более 200 м. Ширина главного русла реки до 10 м при глубине 0,6–1 м, ширина протоки – первые метры.

Один из таких линейных потоков значительно продвинулся на юг, сформировав пологую заболоченную поверхность, которая снижается до 30 м в сторону дельты р. Авачи, дренируемую р. Красной и ее боковыми притоками.

После пересечения р. Мутной-1 полоса отвода поворачивает на заболоченную поверхность в верховья р. Красной, где проходит по сельхозполям, пересекая две автомагистрали, в сторону мелиорированной дельты р. Авачи.

Дельта р. Авачи – плоская 10–20-метровая поверхность с понижением от тылового шва в сторону Авачинской бухты и к р. Аваче.

Далее по дуге полоса отвода, пересекая ряд ее водоотводных канав, выходит к построенному мостовому переходу через р. Авачу. На правом берегу р. Авачи полоса отвода через автодорогу в поселки долины р. Паратунки проходит по южной окраине г. Елизово с разворотом на север вдоль склонов возвышенностей.

Правый борт долины р. Авачи врезан в нижние части склонов цепи возвышенностей с абс. высотами вершин до 300 и более метров – отрогов верхнего яруса горного массива (соп. Острая, Седло) на абс. отм. более 1 000 м.

Боковые притоки р. Авачи – Хуторская, Половинка и др. – прорезают нижние части этих склонов, сложенных водно-ледниковыми отложениями первой фазы верхнеплейстоценового оледенения, перекрытые рыхлыми осадками склонового ряда с погребенными пепловыми прослоями.